

Лидия КУЛИНИЧЕВА

ВОЙНА НЕ ПРОШЛА МИМО

Нина Николаевна Зайцева родилась в июле 1932 в селе Лебедянка Яйского района Кемеровской области. В семье было пятеро детей. Отец работал в артели шахты 5/7 – возил на лошадях лес, мать трудилась в колхозе. Жили как все: держали небольшое хозяйство – корову и овец, кур, сажали огород. Хлеб и картошка на столе были всегда.

В 1939 году Нина пошла в первый класс сельской школы. Первую учительницу звали Наталья Константиновна Лазарева. Когда у девочки палочки и нолики выходили за линейку, учительница брала руку девочки, держащую карандаш, и аккуратно выводила нужное. На уроках рассказывала им про животных и птиц. Весной всем классом ходили на луг, и Наталья Константиновна учила ребят распознавать разные травы. Ох, как ей это потом пригодилось!

В июне 1941 года Нина, как все деревенские мальчишки и девчонки, работала в поле – помогала матери зарабатывать трудовни.

– Двадцать второе число помню как вчера, – рассказывает Нина Николаевна. – Был солнечный ясный день. На закате возвращались домой вместе с мамой и сестрёнками. Мы несли собранную на бугре землянику и брата Мишку, которому было от роду девять месяцев (в хорошую погоду мы всегда брали его с собой, делали лежанку из мешковины в тени берёз и нянчились по очереди). Возле здания сельсовета было много народу. Все стояли, подняв головы, и смотрели на радио – тарелку над входом. Вдруг она заговорила: «Передаём последние известия...» Дальше я увидела суровые лица деревенских мужиков и услышала не просто бабий плач, а бабий вой, который понёсся по деревне и заполнил всё пустое пространство возле сельсовета.

Нина Михайловна на минуту замолчала, крупные слёзы заволокли её глаза.

– Что было потом?.. В июле отца забрали на фронт. Мама, провожая его, не плакала, свои слёзы она выплакала в поле. Отец, прощаясь,

поцеловал поочередно Валу, Марину, меня, Галю, потом, взяв на руки маленького Мишу, подкинул, обнял мать и сказал: «Береги детей».

В комнате воцарилась тишина. На диване рядом со мной – маленькая седая женщина с добрыми глазами. Нет, она не носила военной шинели, на их родную Лебедянку не сбрасывали бомбы, на её улицах не стояла трескотня пулемётов, но это не значит, что война прошла мимо их дома.

Когда началась Великая Отечественная война, Нине Беляевой было девять лет. Ей приходилось работать в тылу наравне со взрослыми: вязать колхозные снопы, копать землю под огороды и окучивать картошку у чужих людей. Глядишь, и дадут кусок хлеба или несколько картофелин для похлёбки. В остальное время в пищу шло всё: добытая из-под снега гнилая картошка, крапива и щавель, лебеда и разные высушенные травы, из которых мама пекла лепёшки. А если удавалось наскрести овса на земле – там, где стояли лошади, – это считалось и вовсе небывалым везением. Лютый голод дополняла нищета: ни одежды, ни обуви.

В военные годы почта приходила с большим опозданием, и семья Беляевых, бывало, получала одновременно сразу несколько солдатских треугольников. Отец писал, что бьёт фашистов и очень скучает по дому. Слава Богу, из фронтовой мясорубки ему удалось выбраться живым, вернулся в 1943-м с ранением в грудь и вырванным плечом. Чуть оправившись от болезни, подшил дочкам продырявленные валенки и вышел на работу – в колхоз трактористом. Позже, в 46-м, устроился слесарем на пилораму при шахте 5/7.

– Вот так мы и выжили, – сказала женщина и, встав с дивана, достала из шкафа аккуратный свёрток. Развернула белый платок. – Вот трудовая книжка моего отца, в ней всего две записи: принят в 1946-м, уволен в 1964 году в связи с уходом на пенсию. О том, что работал в колхозе, выдавалась справка.

Сама Нина после окончания семи классов сельской школы и работы в колхозе, устроилась в 1949 году на стекольный завод, боевозом в машинованный цех. Потом, когда цех закрыли на ремонт, её перевели в транспортный цех грузчиком. Вручную хрупкая девушка выгружала из вагонов лес, песок, доломит.

– Но самой тяжёлой для меня была разгрузка соды, – вспоминает Нина Николаевна. – Она приходила в мешках. Только представьте, у меня

вес – шестьдесят килограммов, рост – сто пятьдесят, у мешка – пятьдесят.

Добрый начальник цеха старый Трубицин, увидев однажды, как девушка завалилась с мешком, вызвал её к себе и сказал: «Пойдешь, Нина, в районную прокуратуру – машинисткой, я договорился. А то здесь от тебя ничего не останется, а тебе ведь ещё замуж выходить, детей рожать».

В 1952-м Нина Николаевна начала осваивать печатную машинку. Первое время работу приходилось брать на дом. А так как жила она в общежитии стекольного завода, то попросилась у секретаря парткома Артура Адольфовича Карро печатать в их кабинете по ночам. Правда, уже через четыре года, когда произошло объединение районной прокуратуры в городскую, она снова вернулась на родной завод.

– Ездить надо было в город, зарплата маленькая, да и коллектив у нас на заводе был замечательный, – пояснила Нина Николаевна. – Взяли меня в бухгалтерию. Получать дополнительное образование для этого мне не пришлось, я была самоучкой. В этом же, 1956-м, на новогоднем бале-маскараде в Доме культуры познакомилась со своим будущим мужем Николаем Григорьевичем. Он пригласил меня на танец, потом пошёл провожать до дому. Выяснилось, что жили мы в одном селе. Правда, его дом стоял рядом с сельсоветом, а наш на окраине. Коля был старше меня на шесть лет, поэтому раньше мы друг друга и не знали, – с этими словами Нина Николаевна протянула мне военный билет супруга и трепетно разложила его награды: орден Отечественной войны, медаль «За победу над Японией», юбилейные медали.

Рядом с наградами мужа – её собственные: удостоверение «Труженик тыла», юбилейные медали, медаль «Ветеран труда» и значок победителя социалистического соревнования.

В армию Николая Зайцева призвали в январе 1944-го. Служил в стрелковой войсковой части 18076 стрелком-пулемётчиком.

– В составе этой воинской части мой муж воевал с Японией. Из армии пришёл спустя шесть лет после окончания войны. Восемнадцатого мая исполнится 16 лет, как Николая нет на этой земле...

Вспоминая о том, как они прожили вместе 41 год в мире и согласии, моя собеседница улыбнулась:

– Тогда ведь как было? Один и на всю жизнь. Вместе воспитали и выучили двух дочерей. Одна живёт в Санкт-Петербурге, другая в Тольятти.

Сорок шесть лет трудился её Николай Григорьевич шофёром в Судженской автобазе. Когда заработал первый отпуск, поехал к брату в Донбасс и привёз оттуда статуэтку «Солдат Василий Тёркин на войне». По сей день она стоит в спальне на комодке.

– В 1979 году мне пришлось на время уволиться, пока дочь училась в институте, я сидела с маленькой внучкой. В 1982 году устроилась в ЖЭК № 1 бухгалтером. Оттуда и ушла на заслуженный отдых, – рассказывает Нина Николаевна. – Находясь на пенсии, я прочитала много военной литературы и поняла, что даже до сегодняшнего дня точно неизвестно, скольких жизней нам стоила эта Победа: сколько героев погибло на фронте, сколько умерло от ран в госпиталях, сколько солдат вернулось домой искалеченными... Очевидно только одно, что эти потери – гигантские. Я, пользуясь случаем, желаю всем участникам войны и труженикам тыла здоровья и долголетия. А ещё, – продолжила Нина Николаевна, – хочется, чтобы молодёжь любила родной край. Что ни говори, а он у нас замечательный. Проходя по городу, я радуюсь, видя, как он молодеет душой, прирастает новостройками. И очень надеюсь, что подрастающее поколение будет чтить память всех, кто воевал за Родину, кто погиб, её защищая.

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

В стихотворении «Мать» С. Острового есть такие строки: «Репрессирован муж, ты с тех пор ни жена, ни вдова, а потом сыновья от тебя на войну уходили...» Так случилось и здесь.

В 1938 году, когда младшей Наде – из десяти детей в семье Рыхлинских – было три годика, как-то поздно вечером в окно их дома громко постучали. И грубый мужской голос по ту сторону скомандовал: «Открывай!» Отцу, работнику сырзавода, велели одеться, с собой ничего не брать и увести. Как выяснилось позже, отправили в Кировскую тюрьму, где в сорок втором он умер от цинги.

Вся семья держалась вместе. Так легче было пережить навалившееся горе. А потом...

Июнь 1941 года стоял жаркий и безветренный. Мать и старшие дети уходили на работу, а дома оставались Надя да её брат и сестра, которые были чуть постарше. Однажды играя во дворе, ребяташки увидели, что их мать не идёт, а бежит по дороге, на ходу поправляя платок. Добежав до калитки, она остановилась.

— Ах, детки мои, детки, — сказала мама незнакомым им голосом, прижимая ребятишек к себе, — война началась.

Пятерых Надиных братьев сразу забрали на фронт. Мать не плакала, не причитала — выплакала все слёзы за четыре года, что жила без мужа. Она собрала котомки и, крестя каждого из сыновей, говорила: «Береги тебя, Господи!».

Вот уже и 71 год прошёл с того дня, как отгослосила война бабьими причитаниями, как залечила раны израненная земля, а она, Надежда Ивановна Рыхлинская, не может без слёз смотреть фильмы о войне, передачу «Жди меня». Бережно хранит почётные грамоты за труд в годы советских пятилеток, орден «Знак Почета» и награды, среди которых есть одна, особенно дорогая сердцу — медаль «Непокорённые». Многие, очень многое пришлось ей пережить.

В зелени садов утопало их село. А по улице, поднимая клубы дыма и треща, неслись немецкие мотоциклы. Выгоняя женщин и детей на улицу, фашисты располагались в крестьянских домах. В отстроенном недавно здании сельсовета они устроили свой штаб. Из местных выбрали свою власть, назначив бургомистром Романова. Это про него мать ещё до войны говорила детям: «Увидите его — бегите подальше». А теперь куда убежишь — он у немцев на службе. Про каждого селянина всё знает: кто ушёл на фронт, кто у партизаны, у кого корова, у кого нетель.

Двое Надиных братьев стали партизанами. С матерью осталось только трое детей. В доме Рыхлинских тоже поселились два немца: один постарше, жирный, который кричал на хозяйку, а другой молодой. Он каждый вечер выносил во двор табурет, садился, закидывая ногу на ногу, и, показывая что-то матери жестами, повторял: «Киндер, киндер». Мать шла в хлев, крепко ругаясь про себя. Брала Надю за руку и выводила во двор. Немец, приложив к губам гармошку, играл какую-то мелодию, а девочка танцевала. «Гут, гут!» — говорил он, улыбаясь во весь рот, и протягивал Наде ароматную конфету.

Мать очень боялась за детей. Двенадцатилетнюю дочь измазала золой, «нарядила» в несколько юбок и привязала ей горб, чтобы скрыть от немцев яркую красоту девочки, а десятилетнего сына натёрла коровяком. Толстый немец при виде мальчика кричал: «Руссиш швайн!» — закрывал нос и уходил прочь. Впрочем, сберечь сыну жизнь во время немецкой оккупации женщине не удалось: он умер от воспаления лёгких,

которое подхватил, когда ловил на реке рыбу, — больше есть тогда было нечего.

Чтобы отвести беду от детей, мать Нади и ещё несколько женщин в конце села, за огородами, на пригорке, где вплотную лес подходил к полям и протекал ручей, вырыли среди берёз и лип землянку и спрятали там ребятишек. Немцы боялись леса. Он своими шумами наводил на них страх. Поэтому сюда же, в построенный из берёзовых веток шалаш, перевели корову, и, чтобы она не мычала, дети кормили её листьями.

Но про всё это пронюхал бургомистр Романов и донёс немцам. Женщин поместили в сарай и сказали, что если к утру не приведут детей, то их всех расстреляют. А выступившего в защиту односельчанок старика Изотова бургомистр на глазах у женщин стегал по спине шомполом так, что на месте ударов лопалась кожа.

Партизаны, узнав, что произошло, потребовали, чтобы оставшиеся на свободе женщины вывели детей из землянки: наши знали, что немцы готовят отправку мирного населения в Германию, и были уверены, что смогут освободить односельчан.

Женщины пошли за детьми, следом — бургомистр. Он завалил шалаш и вывел корову. Держась один за другого, дети покидали убежище. А матери ждали их у стен сарая под дулами автоматов.

На ночь всех поместили в сарай, а утром согнали сюда остальное население. Перед сараем висела петля. Матерей в одном нательном белье вывели наружу, построили в шеренгу. За ними вывели детей. Немец в зелёном мундире что-то приказал, и другой фашист толкнул на землю с подводы, стоящей у угла сарая, худенького парнишку. Одежда на нём была грязная и разорванная. Немец на ломаном русском языке приказал ему встать.

— Это партизан! — кричал во всё горло фашист и, толкая, вёл несчастного мимо женщин и детей.

Указывая на каждого из селян пальцем, лютый немец требовал от паренька ответа:

— Этот или этот давал продукты партизанам?

— Нет! Нет! — повторял мальчишка.

Тогда немец накинул пареньку на шею приготовленную петлю, запрыгнул на лошадь, сильно стегнул её кнутом и помчался по дороге, волоча за собой беспомощное тело. Раздался одиночный женский крик. Толпа селян сомкнулась плотнее. Наступила тишина.

Проклятые жёлтые гимнастерки и зелёные мундиры!.. Они сначала кричали, потом стали сортировать людей, как скот: молодых – в Германию, стариков, маленьких детей и их матерей – в концлагерь для военнопленных в Смоленской же области. Сюда попали и Рыхлинские: Надя, её мама и старшая сестрёнка, которую фашисты не угнали в Германию только потому, что из-за грязного лица, нелепой одежды и горба приняли за маленькую старушку.

Колючая проволока под током, злые немцы и собаки – воспоминания детства, которые Надежда Ивановна сохранила навсегда. На территории лагеря нельзя было разговаривать.

...Советские войска шли в наступление. Фашисты, удирая, жгли дотла деревни, гнали с собой людей и скот, забирали с крестьянских дворов всё, что могли. Была сожжена и деревня Степановка. От неё осталось только название. Освобождённые в сентябре 1943 года из плена Рыхлинские нашли на месте родного дома лишь пепелище. Будто огненный смерч прошёл по селу. Там уже не пели соловьи, всё заволокло дымом... Только в болоте, что в километре от их деревни, верещали одинокие лягушки, жалобно и тревожно бормотали дикие утки.

Когда кончилась война, в жизни Надежды Ивановны Рыхлинской началась новая глава. После Победы костяк семьи во главе с любимой мамой обосновался в городе Калач-Воронежский, начав строительство дома. Туда возвращались с войны и остальные Рыхлинские – кто в 48 году, кто в 49-м, а кто и в 50-м. Там Наденька пошла в школу, где вместо парт стояли длинные столы из нестроганных досок. Писали школьники на газетах, на обложках книг. Чернила готовили сами из сока черемухи, а ручки мастерили из деревянных палочек, к одному концу которых прикрепляли перо, фиксируя его нитками.

Со временем судьба разбросала семью по большим и малым городам. В 1951 году Надежда Ивановна поступила в медицинское училище, а по окончании его приехала по распределению работать заведующей медпунктом в Псковскую область, в село Родовое Брицовского сельсовета Каченовского района. Обслуживала сразу несколько хуторов. На территории бывшей Латвии жили эстонцы, латыши и русские.

В 1958 году после срочной службы на несколько дней в Псковскую область заехал к сестре – подруге Надежды Ивановны – браваый солдат. Так девушка встретила своего будущего му-

жа, с которым вскоре переехала в Сибирь, которой она так боялась. Почему? «Да ведь сюда ссылали декабристов», – отвечала она, когда её спрашивали. Приехав в Анжеро-Судженск, молодая чета первое время жила у родителей мужа на улице XXII Партсъезда. Работала Надежда Ивановна в Судженской поликлинике, потом – заведующей здравпунктом на стекольном заводе, а в марте 1992 года ушла на заслуженный отдых.

Много лет на месте сожжённых фашистами деревень и сёл не росли даже сорняки, не были запаханы траншеи. Это были следы войны, следы убитых грёз.

В 2008 году Надежда Ивановна Рыхлинская решила во что бы то ни стало побывать на своей малой Родине и показать её взрослому сыну.

Она приехала туда, где прошло её детство. Там, на месте Степановки, – огромная поляна, покрытая цветами. За десять километров от неё – атомная станция. Здесь город Десногорск.

Где стояли знакомые избы, хозяев которых Надежда Ивановна помнит по фамилиям, выросли большие деревья. На месте школы – зверобой и одинокая липа... А вот здесь стоял дом Рыхлинских. Тут старший брат Надежды, вернувшись с войны, посадил сирень. Прогулялась женщина по большаку, по которому во время войны шли обозы, повидалась с сосновым бором, куда ещё ребенком ходила за черникой. Из года в год иглы хвойных деревьев, падая на землю, прикрывают земляные бугорки – могилы неизвестных солдат, стараясь сравнять их с землёй. Сегодня здесь работают поисковые группы.

Спустились женщина и её сын к речушке, которая не замерзала зимой, раньше здесь стоял солдатский блиндаж с печкой и лежанкой. После освобождения из плена Надя жила здесь с матерью и сестрой, пока один из братьев не нашёл и не увёз семью в Калач-Воронежский.

Встретилась Надежда Ивановна и с подругами детства. Посетила она и братскую могилу... В этот день моросил дождь, и казалось, что его капли – это материнские слёзы той далёкой войны.

Много лет прошло с той войны. Выросли внуки. А Надежда Ивановна Рыхлинская нет-нет да и зайдёт в магазин «Детский мир». С волнением наблюдает, как какой-нибудь молодой папаша покупает погремушки или бабушка – подарок внуку. «Как хорошо, – думает Надежда Ивановна, – что у матерей и отцов сегодня есть возможность дарить детям красивые игрушки». А вот её детство опалил огонь войны.

Анжеро-Судженск